

И.А. Хорошев
адвокат Первой Красноярской
краевой коллегии адвокатов,
тренер Института повышения
квалификации адвокатов
Адвокатской палаты
Красноярского края

ДОПРОС В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Допрос как тема занятий в юридических вузах – явление не частое. На курсе криминалистики студент получает информацию о тактике допроса на предварительном расследовании, а на занятиях по уголовному процессу – процедуры проведения допроса на следствии (дознании) и в суде. Но этого мало, поскольку реальный судебный допрос – это не просто форма, но и содержание, достаточно сильно отличающееся от содержания допроса, проводимого следователем.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство, в отличие от норм УПК РСФСР, более конкретно закрепляет принцип состязательности сторон и устанавливает, что функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделяются друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создает необходимые условия

для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав (ст. 15 УПК РФ).

Применительно к судебному допросу принцип состязательности сторон закреплен в порядке проведения допроса. А именно – первая очередь задавать вопросы допрашиваемому предоставляется либо обвинению, либо защите в зависимости от того, к какой стороне принадлежит допрашиваемый (прямой допрос). Вторая очередь задавать вопросы принадлежит процессуальным оппонентам (перекрестный опрос). Суду же право задавать вопросы предоставлено только в третьей очереди (ст. ст. 275, 277, 278, 282 УПК РФ). Тогда как УПК РСФСР предоставлял возможность первым допрашивать суду, затем стороне обвинения и только после этого стороне защиты, вне зависимости от того, к какой из сторон (обвинения или защиты) принадлежал допрашиваемый (ст. ст. 280, 283, 287, 289 УПК РСФСР). К сожалению, достаточно часто в наше время можно наблюдать картину, когда суд, не соблюдая порядок допроса, самостоятельно начинает задавать вопросы, игнорируя права сторон. Или предоставляет право первого вопроса стороне обвинения, тогда как допрашиваемый приглашен стороной защиты. При этом способ напомнить суду о себе достаточно прост и содержится в ч. 3 ст. 243 УПК РФ, в соответствии с которой любой участник судебного разбирательства имеет право возражать против действий председательствующего, которые заносятся в протокол судебного заседания.

Уже затронув тему прямого и перекрестного допросов, хотелось бы подробнее остановиться на ней. Точных определений данных понятий нет. Но большинство сходится на том, что прямой допрос – это допрос «своего» свидетеля или иного участника процесса, целью которого является изложение той истории, которую эта сторона видит. Перекрестный допрос – это допрос «несвоего» участника, ответом которого вы не довольны. Целью перекрестного допроса является получение полезной для вас информации, не полученной при прямом допросе, для порождения сомнений в показаниях «чужого» свидетеля, выявление недостоверностей, неточностей, а иногда и прямой лжи.

Как уже отмечалось, существующий порядок судебного допроса предоставляет каждой из сторон право принять участие

как в прямом, так и в перекрестном допросе, и не дает суду возможности допрашивать первым. Этот же самый порядок не позволяет вашему процессуальному оппоненту задавать вопросы свидетелю в тот момент, когда это делаете вы. Если же такое вмешательство произошло, то целесообразно помнить об обязанности суда осуществлять руководство судебным заседанием, принимать все предусмотренные УПК РФ меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон, обеспечивать соблюдение распорядка судебного заседания (ч. 1 и 2 ст. 243 УПК РФ). Данная норма позволяет вам при необходимости обратиться к суду и призвать вашего процессуального оппонента к порядку.

Прямой допрос характеризуется, прежде всего, некоторой свободой в повествовании известных событий. Немаловажную в этом роль играет психологическое отношение допрашиваемого к лицу, проводящему допрос, и его отношение к обстоятельствам, о которых он дает показания. Общеизвестным является факт, что легче получить информацию от человека, испытывающего положительные эмоции к собеседнику, тогда как при наличии отрицательных эмоций желание опрашиваемого полностью раскрыть свои знания значительно ниже. Поэтому при прямом допросе было бы неплохо проявлять вежливое и тактичное поведение к «своему» свидетелю, выказывая уважение и интерес к его личности и к его показаниям.

При прямом допросе свидетель излагает свои показания в свободном, естественном порядке, сохраняя в рассказе последовательность времени. Задачей стороны, проводящей прямой допрос, является получение полной картины, которая известна свидетелю. По общему правилу прерывать свободный рассказ не следует. Если вы хотите уточнить какие-либо детали, целесообразно после свободного рассказа задать ряд вопросов, направленных на уточнение показаний. В этом случае у суда сложится последовательная и непротиворечивая картина, что положительно скажется на оценке его показаний с точки зрения достоверности. В случае же, если вы без надобности станете прерывать свидетеля, уточняя у него по ходу свободного рассказа незначительные детали, то возможна потеря психологического контакта, возникновение у свидетеля по отношению к вам раздражения или обиды. Кроме того,

излагаемая история может оказаться «рваной» и нелогичной, что, в свою очередь, запутает суд, противоположную вам сторону и породит массу вопросов перекрестного характера, подрывающих доверие к показаниям вашего свидетеля.

Но бывают ситуации, когда свидетель в силу разных обстоятельств при свободном рассказе выдает слишком много лишней информации, излагая при этом факты, не относящиеся к рассматриваемому делу. Излишне ненужная информация зачастую не позволяет донести до сведения суда то важное, что необходимо стороне для подтверждения своей позиции. В таком случае вмешательство в свободный рассказ является необходимостью. Трудно дать исчерпывающую рекомендацию о степени такого вмешательства, поскольку все зависит от конкретных обстоятельств, но во всяком случае необходимо выдержать логичность и последовательность рассказа свидетеля, удерживая его в рамках обстоятельств, подлежащих выяснению. А также действовать тактично и вежливо по отношению к нему, удерживая психологический контакт.

При проведении прямого допроса не нужно постоянно переспрашивать свидетеля и все время уточнять одни и те же обстоятельства, превращая прямой допрос в перекрестный. Таким поведением вы покажете суду, что сами не доверяете этому человеку, а может, даже породите неуверенность у самого допрашиваемого, который, следуя вашим неоднократным уточнениям, изменит свои показания или открыто станет в них сомневаться.

Перекрестный допрос по сравнению с прямым – более сложная операция, требующая больше сил и подготовки. *Наряду с допросом своих свидетелей нет ничего более важного и более трудного в адвокатском искусстве, чем допрос свидетелей противника. Это опаснейшая часть процесса, ибо здесь ошибки почти всегда бывают непоправимы. В судебном бою этот допрос похож на то, что в морской тактике называется «ходить под выстрелами», и адвокат должен обладать многими такими же свойствами, какие при этих условиях необходимы для моряка: нужны смелость и осторожность, решительность и изворотливость, рассудительность и верный взгляд на вещи¹.*

¹ Гаррис Р. Школа адвокатуры. Руководство к ведению гражданских и уголовных дел / пер. с англ. П. Сергеева. М. : Изд-во СГУ, 2008. С. 63.

Нисколько не принижая серьезности подготовки и проведения прямого допроса, я также считаю, что подготовка к перекрестному допросу и его проведение – один из наиболее серьезных и ответственных моментов работы адвоката. Это обусловлено тем, что при перекрестном допросе вам необходимо получить от «чужого» свидетеля ту информацию, которую он по какой-то причине не сказал при прямом допросе, и эта информация будет использована вами против него же самого, разрушая первоначальные показания или ставя их под сомнение. Осознанно или неосознанно, но «чужой» свидетель воспринимает вас как представителя враждебной стороны и не сильно расположен к вам. Более того, для каждого из допрашиваемых достаточно сложно признаться в суде, что то, о чем говорилось в свободном рассказе, не совсем правда. Поэтому если вы готовитесь опровергнуть показания противоположной стороны, то должны иметь на руках достаточный для этого арсенал.

Я часто сталкиваюсь с такими эпизодами, когда перекрестный допрос начинается со слов: «Свидетель, почему Ваши показания, данные сегодня в суде, не совпадают с показаниями, данными на предварительном расследовании?» Если и вы начнете именно с этого, то ваш вопрос снимут, поскольку в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию. Оглашение показаний, данных лицами на предварительном расследовании, возможно только в определенных случаях и при соблюдении определенной процедуры (ч. 1 и ч. 2 ст. 240, ст. ст. 276, 281 УПК РФ). Поэтому если ранее данные показания в суде не оглашались, то для суда их нет и отсылка к ним невозможна. Правильным в такой ситуации будет начать перекрестный допрос с мотивированного ходатайства об оглашении ранее данных показаний и только после того, как ходатайство будет удовлетворено и показания оглашены, сопоставлять текст протокола допроса с информацией, услышанной в суде.

В рассматриваемом нами примере следует учитывать одну важную особенность. Протокол допроса со стадии предварительного расследования содержит только те вопросы, которые следователь посчитал нужным спросить, и только те ответы, которые следователь посчитал нужным записать. Поэтому то, что написано в протоколе допроса, не означает, что допраши-

ваемый говорил именно так и по всем обстоятельствам дал исчерпывающие ответы. Не учитывая это, каждый пытающийся поймать свидетеля на противоречиях слова написанного и слова сказанного рискует услышать в ответ, что об этом свидетеля ранее не спрашивали, а вот здесь записали так, потому что неправильно поняли, а в суде ему все разъяснили и именно здесь он говорит правду. Получив такое объяснение и не имея других аргументов в опровержение, вы не просто не добьетесь своей цели скомпрометировать показания «чужого» свидетеля, но и, наоборот, усилите его позицию, услышав мотивированное и правдоподобное объяснение несоответствий.

На самом деле это не значит, что такие несоответствия не надо показывать. В данной ситуации можно после оглашения показаний спросить допрашиваемого, давал ли он такие показания, не акцентируя его внимание на ключевых моментах. Высказаться о достоверности истории, услышанной от того или иного свидетеля, вы можете в прениях, напомнив суду, что оглашенные показания не совпадают с услышанными в суде.

Часто приходится наблюдать, что защитник или обвинитель, не имея никакого представления о вопросах, которые он хочет задать, заставляет свидетеля при перекрестном допросе повторить показания, как будто он не расслышал или не понял сказанного. В этом случае такой юрист вызывает у меня ассоциацию боксера, получившего нокдаун и пытающегося выиграть время и собраться с мыслями. В основном подобный подход вашего противника свидетельствует о том, что ваш удар достиг цели, поскольку оппонент не был подготовлен к этому шагу и не сумел спрогнозировать последствия, в связи с чем его позиция значительно пошатнулась. Если достойного решения проблемы найдено не будет, вашего свидетеля заставят проговорить все сначала и начнут цепляться к мелочам и неточностям, которые всегда появляются при повторении. Если вы не вмешаетесь в этот процесс, то, скорее всего, свидетель запутается, занервничает и создаст о себе неблагоприятное впечатление перед судом. Поддержите вашего свидетеля сразу, начав возражать против просьб повторить рассказ и обосновывая возражения тем, что на эти вопросы ответ уже давался.

Мы плавно подошли к одному из краеугольных камней дела допроса – тщательному изучению материалов уголовного дела

и понимаю обстоятельств случившегося. Для перекрестного допроса недостаточно сверить один протокол, содержащий показания свидетеля, данные для следователя и показания, данные для суда. Нужно знать все дело вплоть до самых мелочей.

Вот что писала Диана Исаковна Каминская, адвокат эпохи Советского Союза, принимавшая участие в самых громких политических процессах 1960–1970-х годов: *«Мой метод – это доскональное изучение каждого дела (мне всегда казалось, что непрочитанный лист может оказаться самым главным) и долгие раздумья, вживание в дело, в характер и психологию того, кого я защищаю. Я никогда не сетовала на отложение дела или затяжку. Никогда не ощущала время лишним. Оно всегда было мне нужным. Еще раз пойти в тюрьму, еще раз поговорить с подзащитным. Иногда как будто даже о чем-то постороннем, но помогающем понять человека. У актеров есть термин – «вживание в роль». Мне всегда нужно было «вжиться» в дело»¹.*

И еще: *«Любой следственный документ, мелкая подробность в описании вещественных доказательств – все может иметь значение в сложной работе опровержения... Вот почему в условиях советского суда основными требованиями, которым должен отвечать хороший адвокат, являются доскональное знание материалов дела, способность к строгому логическому мышлению, способность к быстрой, мгновенной реакции во время судебного заседания, умение очень точно формулировать свои вопросы, способность к самоограничению при постановке вопросов (ведь адвокат не знает заранее, какой ответ он получит)»².*

А вот мнение известного российского адвоката конца XIX – начала XX века Петра Сергеевича Пороховщикова: *«Нельзя предугадать заранее всех мелочей, которые на судебном следствии могут вдруг оказаться решающими, поэтому надо знать все, что только нужно знать. Судьба подсудимого может зависеть от одного слова, от одной буквы»³.*

¹ Каминская Д.И. Записки адвоката. М. : Новое издательство, 2009. С. 46.

² Каминская Д.И. Указ. соч. С. 44–45.

³ Сергеич П. Уголовная защита. М. : Издательство «Юрайт», 2008. С. 24–25.

Как видим, советы адвокатов века двадцатого полезны и для адвокатов века двадцать первого. Поскольку и сейчас сведения и даты, указанные в рапортах, заявлениях и справках, описание освещения, условий видимости и погодных условий, содержащиеся в протоколах и иных документах, медицинские документы о заболеваниях тех или иных лиц или о механизмах получения повреждений, заключения экспертов и мнения специалистов, последовательность изложения участниками событий обстоятельств произошедшего на протяжении всего уголовного процесса, обстоятельства получения показаний и объяснений у отдельных лиц, правильность оформления процессуальных документов и т.д. – все это должно быть тщательным образом изучено и сопоставлено между собой, чтобы отсеять технические неточности, не влияющие на достоверность показаний и выявить «белые» пятна настоящих несоответствий. Полученные в процессе анализа дела знания позволят вам формулировать цепочки вопросов, отвечая на которые, свидетель вашего процессуального оппонента предоставит вам возможность показать суду сомнительность своих показаний.

Не случайно Д.И. Каминская отмечает способность адвоката к самоограничению при постановке вопросов из-за опасности получить нежелательный ответ. Очень редко удастся поговорить со свидетелем до допроса, тем более, если этот свидетель не на вашей стороне. Поэтому вы не можете знать до конца, каким объемом информации располагает свидетель и что он будет вам отвечать. В связи с этим всегда существует опасность получить ответ, который вы не ждете и который вам не нужен. Очень важно чувствовать ту грань, когда необходимый ответ получен, а дальнейшие расспросы пагубны. Вот хрестоматийный пример того, что может быть, если вовремя не остановиться.

Адвокат допрашивает свидетеля:

- Вы видели начало драки собственными глазами?
- Нет.
- Когда вы прибыли на место происшествия, драка уже закончилась?
- Верно.

– Тогда откуда вы знаете, что обвиняемый откусил у потерпевшего часть уха?

– Я видел, как он его выплюнул!

Вместо того, чтобы удовлетвориться ответами о том, что свидетель не видел драки, и прекратить перекрестный допрос, адвокат продолжает и получает ответ, подтверждающий виновность своего клиента.

Для контролирования подобной ситуации существует выработанное многолетней практикой золотое правило допроса: «Лучший вопрос – незаданный вопрос». В этой фразе заложено предостережение от неконтролируемого ответа. Старайтесь придерживаться этого правила всегда.

Готовясь к перекрестному допросу, важно понимать, с кем вы столкнетесь, насколько этот человек настроен на обман и как он к этому подготовлен.

Большинство допрашиваемых не являются профессиональными участниками судебных разбирательств, и практически каждый испытывает волнение в той или иной степени, готовясь к допросу. Будучи приглашенным в зал судебного заседания и пройдя официальную процедуру установления личности, предупреждения о различной ответственности за нарушения при допросе, среднестатистический человек оказывается в незнакомой обстановке с непонятными ему правилами игры. При этом свойства человеческой памяти таковы, что человек запоминает события избирательно. Остальное додумывается на основе логических предположений и реконструкций. Время частично стирает информацию, полученную непосредственно на месте событий и некоторые воспоминания замещаются ложными. Например, свидетель является очевидцем драки двух мужчин. При этом он наблюдает у нападавшего какой-то предмет в правой руке, которым наносились удары, а затем видит на потерпевшем следы проникающих ранений. Находясь в стрессовой для него ситуации, свидетель не замечает, что именно было в руке у нападавшего, но, используя логические рассуждения, а также полученную в последующем различную информацию от других источников (СМИ, другие очевидцы, сотрудники правоохранительных органов), делает для себя однозначный вывод о том, что в руке у нападавшего был нож. Далее этот вывод, если сам очевидец не отнесся к нему кри-

тически, становится ложным воспоминанием и ложится в его памяти в картинку происходящего. И здесь нельзя утверждать, что допрашиваемый лжет, просто он так помнит. Для такой категории свидетелей достаточно показать его заблуждение, не выходя на линию прямого и непосредственного конфликта. Расставьте свои вопросы в той временной и логической последовательности, которая позволит свидетелю самому понять его заблуждение, и он, возможно, открыто признает это в суде. Если открытое признание не последует, то замешательство, в которое вы введете свидетеля, и его неуверенность сами дадут суду пищу для размышлений и критической оценки.

Другое дело, когда кто-то из участников умышленно искажает события, примешивая в свой рассказ значительную долю недостоверности. С таким свидетелем вам будет значительно труднее, но это не значит, что ложь невозможно раскрыть.

Явления внешнего мира происходят в сопровождении и в связи с другими явлениями. Ни одно событие не может существовать вне других событий. Рассказ свидетеля составлен из ряда фактов; если это – факты действительные, они подойдут ко множеству других фактов; при этом они не могли существовать, не вызвав ряда других фактов или не оказав на них некоторого влияния. Если показание ложно, то при всем искусстве вымысла события, удостоверяемые свидетелем, не могут подойти к окружающим фактам во всех своих подробностях. Окружающие обстоятельства во всем своем множестве будут совпадать с показанием правдивым, ибо последнее, как бы ни казалось малоправдоподобным, составляет часть целого, ими образуемого, – подобно тому, как камень, выбитый из скалы, хотя бы в самой причудливой форме, не может не подойти к своему прежнему месту¹.

В борьбе с недостоверными показаниями вам вновь поможет тщательное изучение материалов дела, воспроизведение обстановки случившегося, понимание, что могло происходить, а что не могло в принципе. Так, по одному из дел потерпевшая утверждала, что мой клиент на улице ударил ее стеклянной бутылкой по голове и порезал ей щеку. Этот порез был квалифицирован как вред средней тяжести здоровью. Знакомясь с материалами дела, я обратил внимание, что на стадии послед-

¹ Гаррис Р. Указ. соч. С. 81–82.

ственной проверки потерпевшая в своих объяснениях говорила, что упала на осколки бутылки. Описанные по результатам судебно-медицинской экспертизы повреждения по механизму больше походили на то, что человек действительно упал и порезался об них. Кроме того, такие повреждения нельзя было получить с одного удара. На суде при перекрестном допросе я несколько раз уточнял у потерпевшей количество ударов и место их приложения. И на каждый из вопросов она отвечала, что ее ударили один раз по затылку. Понимая, что объяснение, полученное до момента возбуждения уголовного дела, не является доказательством, я вызвал в суд сотрудника полиции, который собирал материал. Этот сотрудник подтвердил, что первоначально женщина рассказывала, как упала на осколки бутылки и порезала щеку. Имея на руках два варианта объяснения случившегося, я заявил ходатайство о проведении дополнительной судебно-медицинской экспертизы, попросив экспертов ответить на вопрос, какой из вариантов соответствует механизму получения повреждений. Ответ экспертов был однозначен. Медики дали заключение, что так порезать щеку, как описывает потерпевшая, невозможно, а вот получить такие повреждения, упав на осколки, – вероятно.

В этом примере изначально было очень важно зафиксировать в судебном допросе показания потерпевшей о количестве ударов. Поторопись я с экспертизой, и потерпевшая могла поменять показания, сказав, что ударов было несколько. Таким образом, собрав воедино несколько факторов и выбрав направление на опровержение, используя перекрестный допрос потерпевшей и прямой допрос сотрудника полиции, при помощи экспертов-медиков я показал суду недостоверность истории, излагаемой стороной обвинения.

Подводя итог всего сказанного, хотелось бы, чтобы каждый участник судебного процесса помнил, что допрос – это не просто рассказ свидетеля, потерпевшего или подсудимого. Это, прежде всего, для каждой из сторон способ доведения своей позиции до суда, до процессуального оппонента и иных участников процесса. Поскольку в судебном разбирательстве итоговое решение принимается судом, то и информация, поступающая от допрашиваемых, должна быть, прежде всего, нацелена на правильное восприятие ее судьей.